

Земля наша велика и обильна

рѣша роуси . чю . и словеси . и крики . и вси . земля
наша велика и обильна . а на радостехъ своихъ да
поудѣте оумъ и смѣхити . и болодѣти :

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

ООО «НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»

ЗЕМЛЯ НАША ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА...

90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается

Книжная Типография
Санкт-Петербург
2019

УДК 902
ББК 63.4(2)

*Благодарим за финансовую поддержку данного издания
Георгия Петровича Визгалова и Олега Викторовича Кардаша*

Ответственный редактор:

С. В. Белецкий

Редколлегия:

Г. П. Визгалов, Т. Н. Джаксон, М. М. Казанский,
О. В. Кардаш, В. А. Лапшин, А. И. Сакса

Рецензенты:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук П. Г. Гайдуков,
кандидат исторических наук О. А. Щеглова

Печатается по решению Ученого Совета ИИМК РАН

Земля наша велика и обильна : сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова. — СПб.: Невская Типография, 2019. — 442 с., 170 ил.

Сборник научных статей «Земля наша велика и обильна...», подготовленный к изданию Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, посвящен 90-летию доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника культуры РФ Анатолия Николаевича Кирпичникова. В сборнике представлены статьи, написанные историками и археологами из Вюрцбурга, Москвы, Парижа, Перми, Пскова, Риги, Санкт-Петербурга, Старой Ладogi и Сургута. В большинстве работ впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении средневековой археологии и истории европейских стран. Статьи иллюстрированы фотографиями, чертежами, рисунками и картами.

Сборник адресован историкам, археологам, филологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историческим прошлым России и сопредельных стран.

ISBN 978-5-907053-29-8
DOI 10.31600/978-5-907053-29-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Авторы статей, 2019
© Белецкий С. В., научное редактирование, 2019
© ООО «Невская Типография», 2019

Содержание

<i>В. А. Лапшин.</i> Анатолий Николаевич Кирпичников. К 90-летию со дня рождения.....	5
<i>Л. А. Губчевская.</i> «Заповедный» — значит «особо хранимый»	8
<i>Л. М. Всевиов</i> (составитель). Библиография работ А. Н. Кирпичникова.....	11
<i>А. А. Александров.</i> «Князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву» (заметки на полях летописи)	14
<i>С. В. Белецкий.</i> Геральдические подвески X–XI вв.	30
<i>Р. Брузис.</i> Бутафории оружия ближнего боя XIV–XVI вв. на территории Латвии	50
<i>Ю. А. Виноградов.</i> О терракотовых статуэтках с изображением воинов из Ольвии	61
<i>К. В. Горлов, Н. В. Григорьева.</i> Фракция новгородского рубля с Земляного городища Старой Ладogi	66
<i>Г. С. Гофман, Т. Ю. Закурина.</i> Изборская крепость в первой трети XIV в.	70
<i>Т. Н. Джаксон.</i> О природных чудесах Исландии	84
<i>А. Н. Егорьков, А. В. Плохов.</i> Химический состав раннесредневековых стеклянных изделий Рюрикова городища	91
<i>И. И. Еремеев.</i> Фрагмент предмета церковной утвари с Бронницкого городища под Новгородом	99
<i>М. М. Казанский.</i> О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы	113
<i>С. Ю. Каинов.</i> «Большой» меч из Чёрной могилы (предварительные итоги нового этапа изучения)	125
<i>О. В. Кардаш, З. Г. Гайдакова.</i> Топоры-секиры у населения Крайнего Севера в XII–XIV вв.: бытовые и ритуальные аспекты	140
<i>А. А. Кищук, О. В. Овсянников.</i> Из истории поморского летописания конца XVII — начала XVIII в.: «летопись» и рисунки Ивана Погорельского	156
<i>Л. С. Клейн.</i> Спор о варягах как пережитое	183
<i>Н. Б. Крыласова.</i> Комплекс вооружения финно-угорского Рождественского могильника в Пермском крае	201
<i>Ю. А. Кулешов.</i> Позднесредневековый шлем из собрания Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса (к вопросу о традициях и технологиях оружейного производства Генуэзской Газарии)	215

<i>А. А. Купранис.</i> О древнерусских весовых эталонах	241
<i>А. В. Курбатов.</i> Кожаные детали вооружения и амуниции в древности и средневековье по письменным и археологическим данным	245
<i>В. А. Лапшин.</i> Первые строители Петербурга	258
<i>П. А. Миляев.</i> Предметы вооружения XVI–XVII вв. из раскопок на территории ладожского посада	267
<i>К. А. Михайлов, А. А. Пескова.</i> Находки защитного вооружения из раскопок древнерусского Шепетовского городища (заметки к трудам А. Н. Кирпичникова)	286
<i>Е. Р. Михайлова.</i> Двушипные наконечники копий из Которского погоста	298
<i>А. Г. Панкратов.</i> Новые данные о пластинчатых панцирях на Руси	312
<i>В. Я. Петрухин.</i> Вещий Олег и «могила в Ладогe»	322
<i>Н. И. Платонова.</i> Г. Косинна и А. А. Спицын: единство противоположностей (к вопросу о «национализме в археологии»)	332
<i>А. И. Сакса.</i> «Выборгский гром» 1495 г. — легенда или действительность? Иван III и «Балтийский вопрос» конца XV в.	343
<i>Е. В. Салмина, С. А. Салмин.</i> В поисках захоба: археологические раскопки в Псковском кремле в 2016 г.	358
<i>Т. Б. Сениченкова, Н. В. Семёнова, О. К. Дмитриева.</i> Новая находка из старых раскопок	379
<i>В. Ю. Соболев.</i> Оружие и снаряжение коня из раскопок Никольского Которского погоста Новгородской земли	384
<i>П. Е. Сорокин, П. А. Васин.</i> Романские мечи из Приневья и юго-западного Приладожья	395
<i>Р. Спиргис.</i> Ливские подражания готландским брактеатам X–XIII вв.	405
<i>С. В. Томсинский.</i> Каменные иконки из раскопок древнерусского «Изяславля»	424
<i>С. Н. Травкин.</i> Повторное использование монет и хронология кладов на территории Юго-Восточной Европы в средние века	433
Сокращения	439

А. И. Сакса
(Санкт-Петербург)

«Выборгский гром» 1495 г. — легенда или действительность? Иван III и «Балтийский вопрос» конца XV в.

Так называемый «Балтийский вопрос» — борьба Руси за выход к Балтийскому морю — стал актуален для России в 1478–1493 гг., после того как Москва окончательно подчинила себе Новгород (Тихомиров 1973: 23; Хорошкевич 1980: 131–169). Как следствие этого в зону внешнеполитических и торговых интересов зарождающегося Российского государства вошел прибалтийский регион. Крымский вопрос и отношения с Литвой уже не были единственной внешнеполитической проблемой усилившегося и расширившегося государства. Выход на Балтику и приобретение выгодных условий для российской торговли со странами Запада определили содержание новых внешнеполитических задач. В этой связи необходимо отметить, что восточные провинции Швеции, к которым относилась и шведская часть Карелии, задолго до этого уже были втянуты в борьбу с Новгородом за обладание всей Карелией и приневскими землями. Наряду со Швецией, препятствием в достижении этих целей были Ганза и Ливонский рыцарский орден.

После подчинения Новгорода Иван III вынужден был обратиться к решению связанных с Ганзейским союзом проблем. Незадолго до утраты своей независимости Новгород в 1473 г. подписал договор по «старине» с 73 северонемецкими городами и в том же году со Швецией; согласно этому договору, Швеция обязалась обеспечить новгородским купцам свободный проход в Выборг (Хорошкевич 1980: 132–133).

Первые направленные против Ганзы мероприятия были осуществлены Великим княжеством Московским уже в 1478 г., когда в Новгороде были задержаны ганзейские купцы (Хорошкевич 1980: 133; Рыбина 2001: 163). После этого русская сторона пыталась изменить условия ранее подписанных с Ганзой торговых договоров, сократить или даже исключить привилегии купцов. В то же время, отношения Ганзейского союза с Данией, и так напряженные, достигли состояния глубокого кризиса. Обычным явлением стало ограничение деятельности ганзейских купцов в Дании, которая предпочла заключить торговые соглашения с Англией и Нидерландами. Ганза находилась в тесных союзнических отношениях со Швецией, которая, в свою очередь, находилась в состоянии войны с Данией. У Швеции были собственные интересы на Балтике, которые она стремилась обеспечивать путём заключения соглашений с ганзейскими городами, Ливонским и Немецким орденами (Хорошкевич 1980: 133–138).

В борьбе Швеции с Данией Россия пыталась придерживаться политики невмешательства, стремясь сохранить взаимовыгодные торгово-экономические отношения

со Швецией, с которой, тем не менее, вела постоянные продолжительные споры о границе. Эту проблему решали путем заключения перемирий, последнее из которых продлили в 1476 г. во время поездки Ивана III в Новгород. Но уже вскоре после окончательного присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. русские отряды совершили разрушительный поход в Саволахти. После нескольких лет напряженности отношения между странами были опять урегулированы заключением договора «о чистом пути за море», что позволило восстановить взаимовыгодные торговые связи.

К этому времени ситуация на Балтике изменилась. Отношения Швеции с Ливонией и ганзейскими городами Ливонии улучшились, следствием чего было предложение шведского риксдага Ливонскому ордену заключить союз против России. В то же время шведы продолжали переговоры с русскими. Новым игроком в регионе стала Польша, с которой шведы провели переговоры в конце 1492 г. Результатом этих перемен было формирование в Балтийском регионе двух противостоящих друг другу «блоков». С одной стороны были Швеция, Ливония, Ганза и Польша, а с другой — Россия, Дания и Немецкий орден (Хорошкевич 1980: 134–138).

В 1487–1494 гг. Русь находилась в состоянии войны с Ливонией и в 1492 г. построила напротив Нарвы мощную крепость Ивангород (Тихомиров 1973: 23; Крепость Ивангород 1997: 19). Это означало, что монополии Ганзы по контролю над ведущими из России в Европу торговыми путями был нанесен ощутимый удар. В это же время в конце XV в. союзнические отношения между Россией и Данией укрепились ввиду общих противников — Швеции и Ганзы. В 1493 г. Россия и Дания заключили соглашение, по которому часть восточной Финляндии должна была отойти к России. Одним из следствий этого договора было закрытие немецкого двора в Новгороде в ноябре 1494 г. (Хорошкевич 1980: 139–144; Казакова 1984: 177–187; Рыбина 2001: 165; Бессуднова 2009: 59–65).

Тем временем напряжение на проходящем через Карельский перешеек участке российско-шведской границы нарастало и вызывало пограничные конфликты. В феврале 1495 г. по дороге в Новгород для участия в переговорах о мире шведские посланники убили двух русских купцов и были вынуждены вернуться в Выборг. Всё же в марте переговоры состоялись, но вопрос о границе и трех пограничных погостах — Эйреппя, Яскис и Саволак — не был разрешен (Хорошкевич 1980: 145).

Война между Россией и Швецией. «Выборгский гром»

Война России со Швецией началась осенью 1495 г. 24 сентября крупное московское войско во главе с князем Даниилом Щеней прибывает к Выборгу и к середине октября полностью его окружает (Алексеев 2007: 334–344; Бессуднова 2009: 192). Обороной города руководил комендант Кнут Поссе. Скучные исторические источники не дают полной картины осады и штурма Выборга русскими войсками. Известно, что решающий штурм начался 30 ноября, в день св. Андрея с носящей его имя башни (рис. 1) (Magnus 1973: 64–67; Ruuth 1982: 111–116; Алексеев 2007: 342–343). Артиллерийским огнем были разрушены две башни и повреждена третья.

Первые попытки русских проникнуть в город с восточной стороны городской каменной стены были отбиты шведами, но город постоянно обстреливался из пушек, имевшихся в большом количестве у нападавшей стороны. Количество

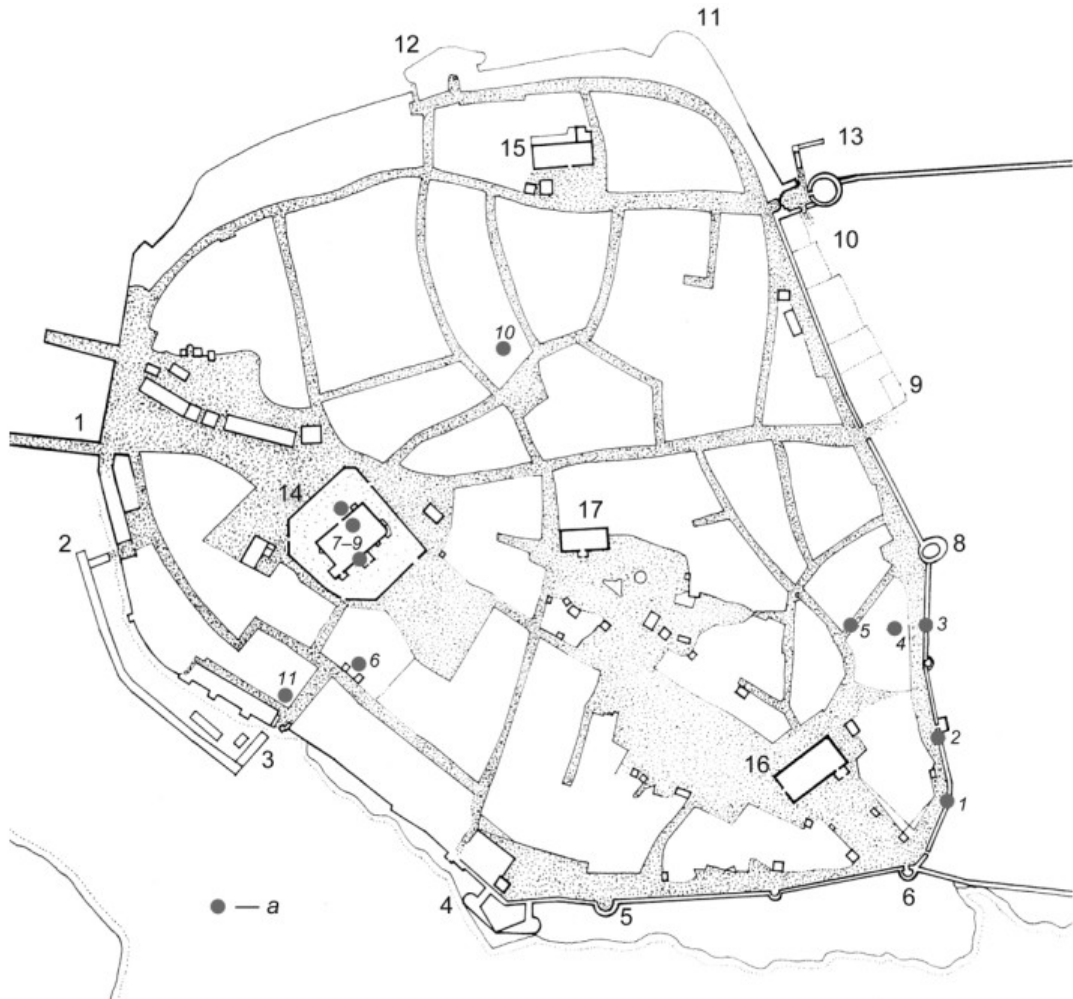

Рис. 1. План г. Выборга, фиксирующий городскую планировку конца 1630-х гг. до начала регулярной застройки с обозначением мест раскопок и средневековых построек.
Раскопы (a): 1–2 — раскоп и шурфы у Ратушной башни, 1998–2000 г., 3 — раскоп на Городской стене, 2000 г., 4–5 — раскопы на перекрестке улиц Сторожевой Башни и Титова, 2000–2001 г., 6 — раскоп у дома 8 по улице Выборгской, 2004, 2006, 2011, 2012 гг., 7–9 — раскопки Кафедрального собора, 2011–2012 гг., 10 — раскопки на улице Краснофлотская, 2007 г., 11 — раскопки на улице Южный вал, 2003 г.
Средневековые постройки: 1 — Веряпортти (Ринкипортти, Торипортти); 2 — Катанпяяпортти; 3 — Хааконинпортти; 4 — Уусипортти; 5 — Пампаланторни; 6 — Мунккиторни (Мункипортти); 7 — Раатиторни; 8 — башня св. Андреаса; 9 — Кескипортти (Кунинкаанпортти); 10 — Карьяпортти; 11 — Лакамундинторни; 12 — Весипортти (Весипорттинторни); 13 — Круглая башня; 14 — Кафедральный собор и колокольня; 15 — собор францисканцев; 16 — собор доминиканцев; 17 — Ратуша
(по: Gardberg, Welin 1996: 17)

оборонявших город шведов оценивается примерно в 1500 человек (Gardberg 1996: 22). Русские войска обладали большим преимуществом. Согласно шведским данным, в осаде принимало участие 60 тыс. русских воинов и их потери достигали 16 тыс. человек (по другим данным 9 тыс.), что нельзя считать достоверными сведениями (Алексеев 2007: 343; Ruuth 1982: 116). В городе оставалось большое количество

жителей и беженцев, среди которых назревала паника. Заканчивались запасы продовольствия, и вспыхнула чума.

То, что шведам удалось отбить штурм, впоследствии было расценено как чудо и породило легенды, сохранившиеся до наших дней. Согласно одной из них, в решающий день штурма, выпавший на день св. Андрея (30.11), когда русские уже были на стене и готовились проникнуть в город, на темном небе появился предупреждающий знак — сверкающий Андреевский крест. Это вызвало панику среди нападавших, которые немедленно отступили и отказались от новых попыток овладеть городом. Это знамение шведы расценили как помощь высшей силы защитникам Выборга, оказавшимся в безнадежном положении. Согласно более поздней и популярной легенде, панику среди русских вызвал произведенный комендантом Кнудом Поссе мощный взрыв башни св. Андрея, позднее вошедший в историю под названием «Выборгский гром». Рассказывают, что он изготовил в «адском котле» смесь из жаб, змей, ртути, щелока и извести, при помощи которой взорвал башню, уничтожив тысячу людей. Это событие уже в Средние века вызывало различные толкования (Korpela 2004: 305–306). Нас, в данном случае, интересуют возможные следы, оставшиеся в культурном слое непосредственно у городской стены и башни, которые могли быть зафиксированы при раскопках, проведенных нами на этом месте в 2000–2001 гг.

В вышедшей в 1555 г. «Истории Северных стран» Олафа Магнуса в главе о походе московских войск на Выборг об этом эпизоде говорится следующее: «Теперь следует рассмотреть подземную пещеру рядом с прибрежным городом под названием Выборг, который находится рядом с московскими территориями. У пещеры есть такая тайная сила, что если туда бросить живое животное, то оттуда раздастся такой мощный грохот, который так закладывает уши всех находящихся рядом, что они не могут ничего слышать, говорить и даже стоять. Такой своей особенностью пещера в момент уничтожает много большее количество людей, чем самая эффективная пушка или, во всяком случае, парализует их. При нападении врага фогт этой области повелел всем заткнуть уши воском и укрыться в подвалах и гротах, если хотят остаться в живых. Затем он с предостережением бросает в устье пещеры с помощью копья или веревки животное. От этого произошел настолько страшный гром, что находившиеся рядом осаждавшие упали на землю как убойный скот... Когда они снова пришли в сознание, то уже не были готовы к сражению, а лишь спастись бегством...» (Magnus 1973: 64–67). Магнус объясняет это известным с античных времен «одним из чудес земли». В вышедшей в 1539 г. карте Севера Олафа Магнуса на месте Выборга изображен большой взрыв — как принято считать, в Круглой башне (рис. 2). Но, как правило, при этом забывают, что сам Олаф Магнус рассказывает именно об эффекте пещеры и о самой пещере следующее: «Каким бы не было действие пещеры, очевидно, что за ней всегда какой-нибудь понимающий должен следить и охранять и, к тому же, как видно из изображения, она окружена несколькими стенами» (Magnus 1973: 67). Следовательно, башня св. Андрея в связи с этой легендой появилась позднее (Korpela 2004, 305). Ведь известно, что при штурме русских были разрушены две башни и повреждена третья. Одна из башен была захвачена русскими во главе с каким-то «герцогом». Полагают, что речь идет об Иване Андреевиче Субботе Плещееве, гибель которого отмечена в русских источниках (Алексеев 2007: 342–343). Эта башня, расположенная в восточной части

городских укреплений на направлении «главного удара» штурмовавших городскую стену москвитов, по всей видимости, и упоминается Магнусом. В ней могли храниться запасы пороха, которые взорвались или были взорваны в момент решающего штурма, разрушив башню и оставив под ее обломками значительную часть наступавших русских воинов.

«Выборгский гром» и Выборг того времени

Начиная с 1999 г. Выборгская археологическая экспедиция ИИМК РАН под руководством автора проводила исследования в различных районах Выборга. Первые раскопки были проведены в месте пересечения улиц Титова и Сторожевой башни в восточной части города в непосредственной близости от несохранившейся башни св. Андрея и городской стены (рис. 3). Работы проводились в 2000 и 2001 гг. (Saksa 2016: 251–255; Сакса 2017: 66–80). Общая площадь четырех раскопов составила около 200 м². Мощность культурного слоя достигала 3,7 м. В процессе работ выяснилось, что эта часть города была освоена вскоре после постройки в 1470-е гг. городской стены (Сакса 2010: 238–252; 2017: 66–80).

Раскопы 4/2001 г. и 6/2001 г. расположены в непосредственной близости от остатков башни св. Андрея, скрытой под жилым домом. В них открыты хорошо сохранившиеся горизонты древней застройки, от ее начального этапа вплоть до новейшего времени (рис. 1, 3). В раскопе 4 (24 м²) была зафиксирована вся стратиграфия строительной деятельности в этой части города от построенной в 1478–1480 гг. на скальной поверхности «бани» до уличной мостовой 1930-х гг. (горизонты 1–8).

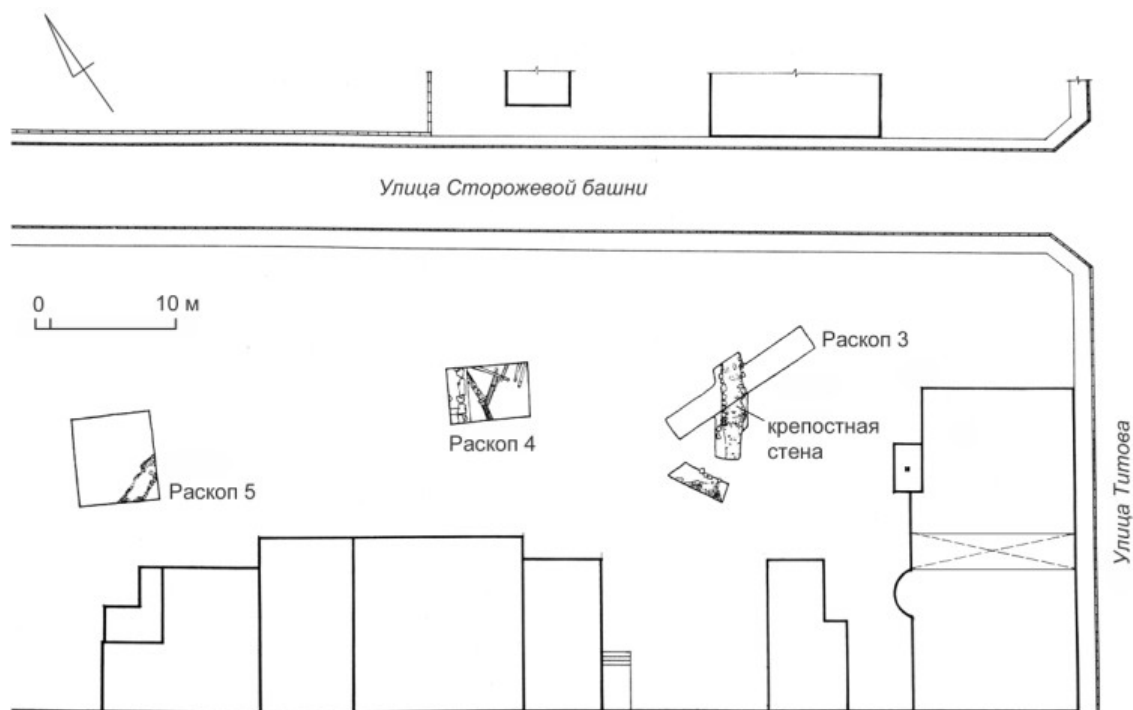

Рис. 3. Схема расположения раскопов 2000 г.

Несмотря на то что выявленные в раскопе остатки построек не повреждены позднейшей строительной деятельностью, никаких следов катастрофических разрушений 1495 г. выявлено не было. Не зафиксированы следы пожара или иные свидетельства военных действий и в нижних горизонтах 7 и 8 (рис. 4, 5).

Раскоп 6/2001 г. (92 м²) был расположен между раскопами 4 и 5 в 1,5 м от первого к северу и 7,5 м. от последнего к востоку. Мощность слоя здесь составляла 2,75–3,25 м. В раскопе было исследовано 5 строительных горизонтов. Верхний из них (зачистка дна строительного котлована) относится, судя по находкам российских монет времен Анны Иоанновны (денга 1731 г.) и Елизаветы Петровны (денга 1744 г.), уже к российскому периоду истории города (после 1710 г.). Следующие горизонты 1 и 2 по находкам шведских монет датируются от 1630-х гг. до второй половины XVII в. Они, в сущности, представляют один этап застройки исследованного участка. При этом планировка участка не меняется, сохраняя деление на две половины — бревенчатые подкладочные платформы в северной его части за уличной мостовой и нижние части бревенчатых построек (одна с каменным фундаментом) — в южной (рис. 6, 7).

Под этим горизонтом до поверхности скалы исследовано еще три горизонта (3–5) деревянной застройки (рис. 8, 9, 10). В расположенном под улицей горизонте 3 открыта нижняя часть углубленной в землю через горизонты 1 и 2 постройки — пол из толстых заостренных на одном конце досок забора (?) и выходящий наружу водоотводный желоб. Он перебит обмотанной листьями бересты бочкой, вкопанной, вероятно, из выше расположенного горизонта 1. По бересте получена дата 180 ± 40 , SU-3603 [cal AD 1661 (1672, 1774, 1798) 1947], которая относит бочку ко второй половине XVII — XVIII в., что подтверждает представленную по монетным находкам датировку верхнего горизонта (Saarnisto, Saksa 2004: 259–261). В северной части этого горизонта, как и в расположенном выше горизонте, фиксируются ориентированные в направлении запад-восток и север-юг деревянные конструкции. Культурный слой представлен темно-коричневой землей мощностью до 30 см, в которой много древесной щепы и навоза. В этом слое также найдены кости домашних животных, большое количество грузил и поплавков от сетей, что типично для ранних горизонтов раскопов в центральной части Выборга. Керамика представлена местной белоглиняной посудой, аналогии которой хорошо известны на городищах древней Карелии и в городах Северо-Запада России в слоях конца XV–XVI вв. и западноевропейской, характерной для всех городских центров Германии, Скандинавии и Прибалтики XVI–XVII вв.

Ниже располагался горизонт 4, в северной части которого расчищены деревянные конструкции из бывших ранее в употреблении бревен, ориентированных, как и в выше расположенных горизонтах, по линии запад-восток и север-юг. Они находятся в конструктивной связи с деревянными сооружениями горизонта, расположенного выше. Хронологическую близость этих двух уровней деревянных сооружений подтверждает также полученная датировка бересты бревен западного угла горизонта 4 (330 ± 40 BP, Su-3602 [cal AD 1483 (1519, 1574, 1626) 1640]). Культурный слой, таким образом, датируется XVI — началом XVII в. (Saksa, Saarnisto, Taavitsainen 2003: 18).

В самом нижнем горизонте, содержащем древесную щепу, кости животных, навоз, грузила и поплавки от сетей, практически полностью отсутствовали какие-либо

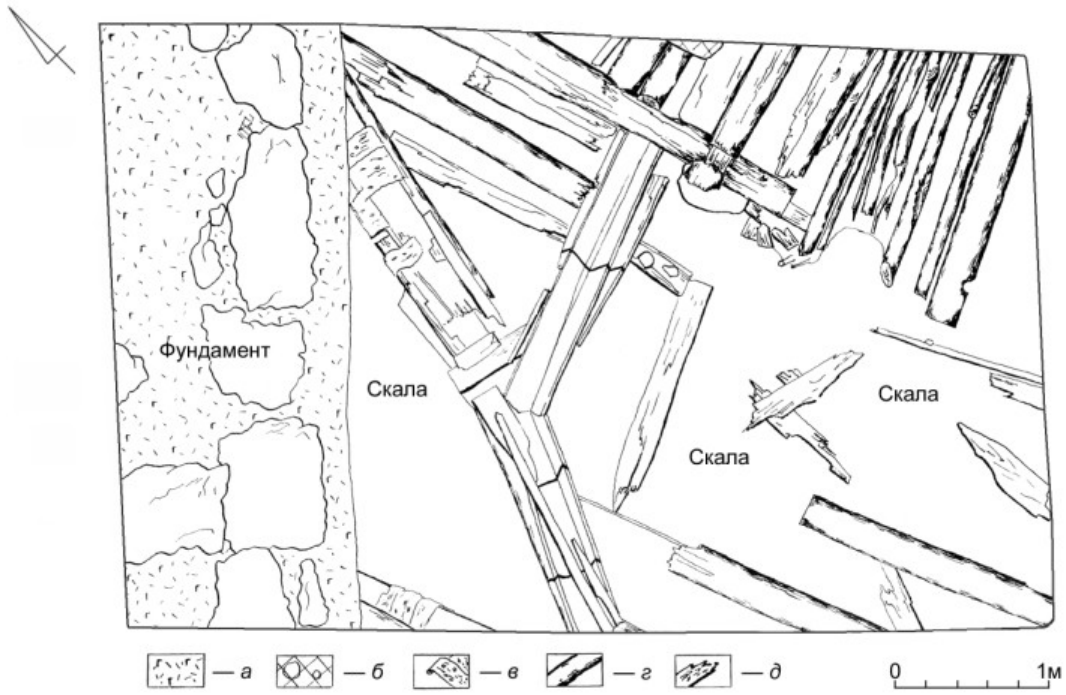

Рис. 4. Горизонт 8 раскопа 4/2000 г. План.

Условные обозначения (к рис. 4 и 5): а — гумус со строительным мусором; б — прокаленный песок, камни; в — береста; г — бревна; д — доски

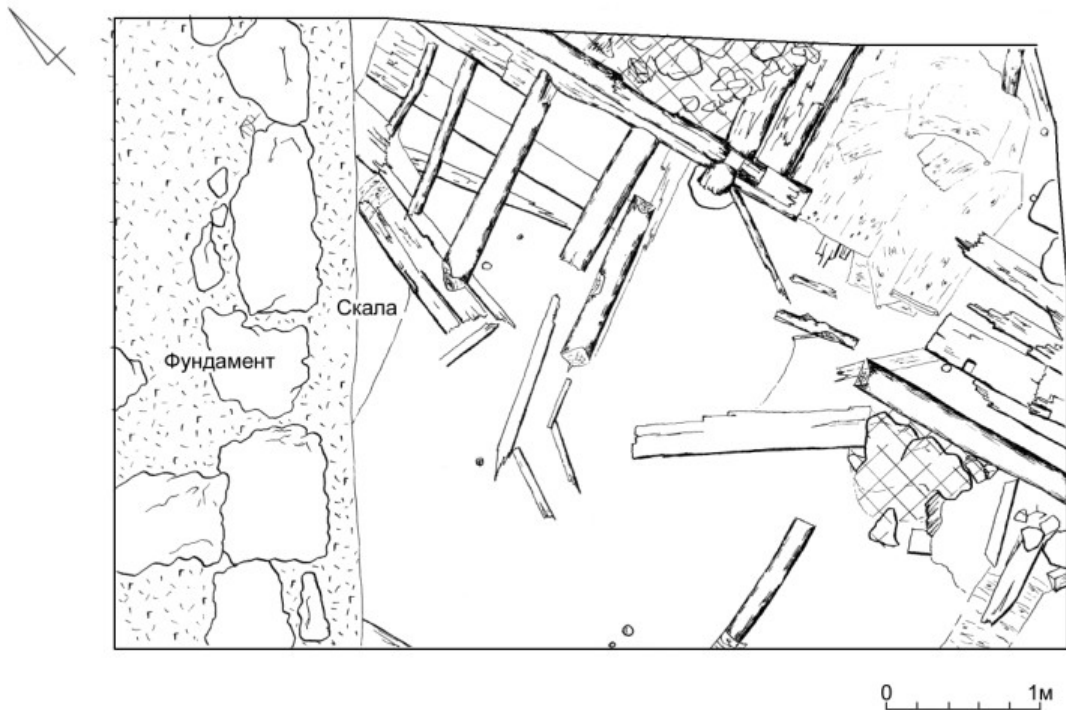

Рис. 5. Горизонт 7 раскопа 2000 г. План

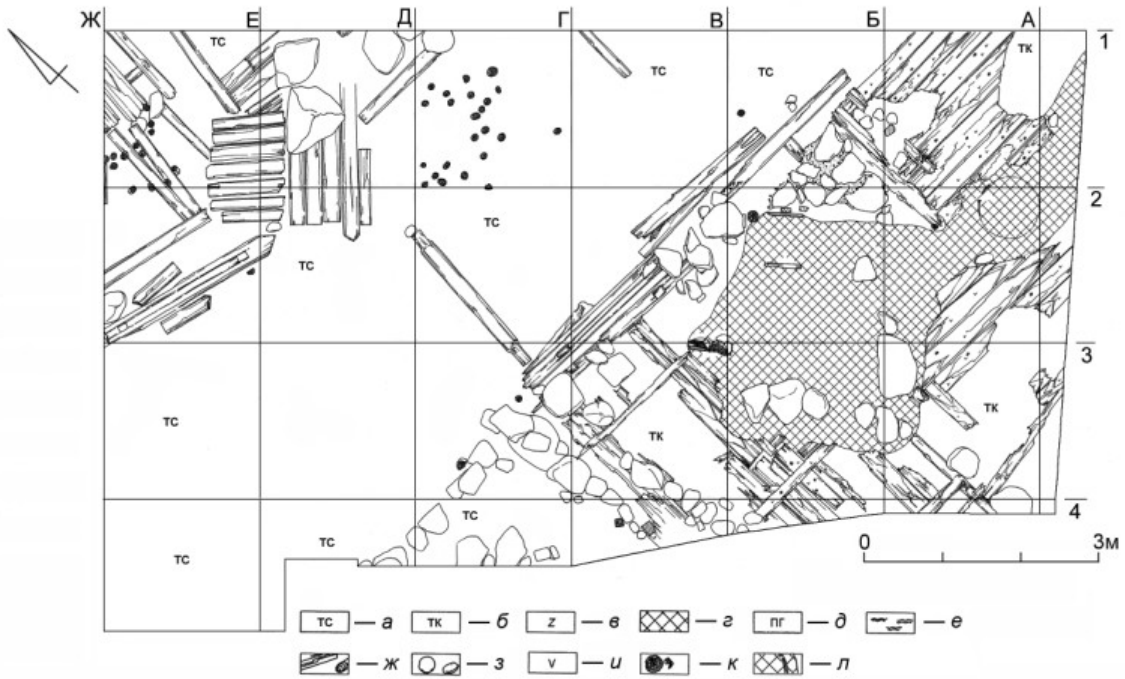

Рис. 6. Горизонт 1 раскопа 2001 г. План. Условные обозначения (к рис. 6, 7, 8, 9, 10):
а — темно-серый гумус; б — темно-коричневый гумус; в — щепа; г — заполнение ям (перекоп); д — песок гравелистый; е — сосновая кора; ж — бревна, доски; з — камни;
и — уголь; к — колья, л — доски бочки

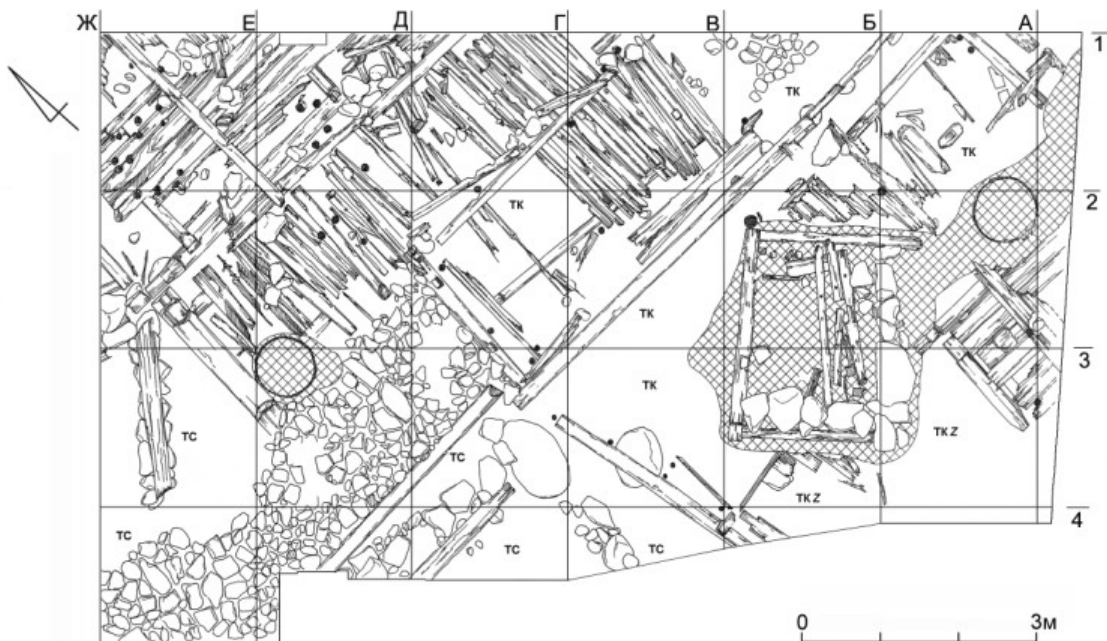

Рис. 7. Горизонт 2 раскопа 2001 г. План

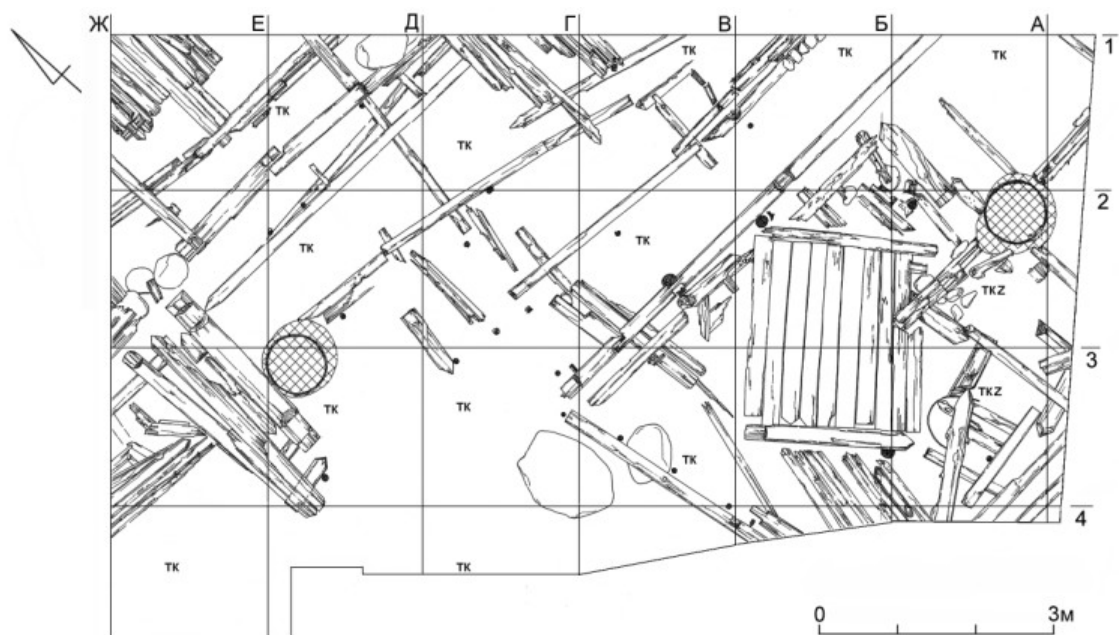

Рис. 8. Горизонт 3 раскопа 2001 г. План

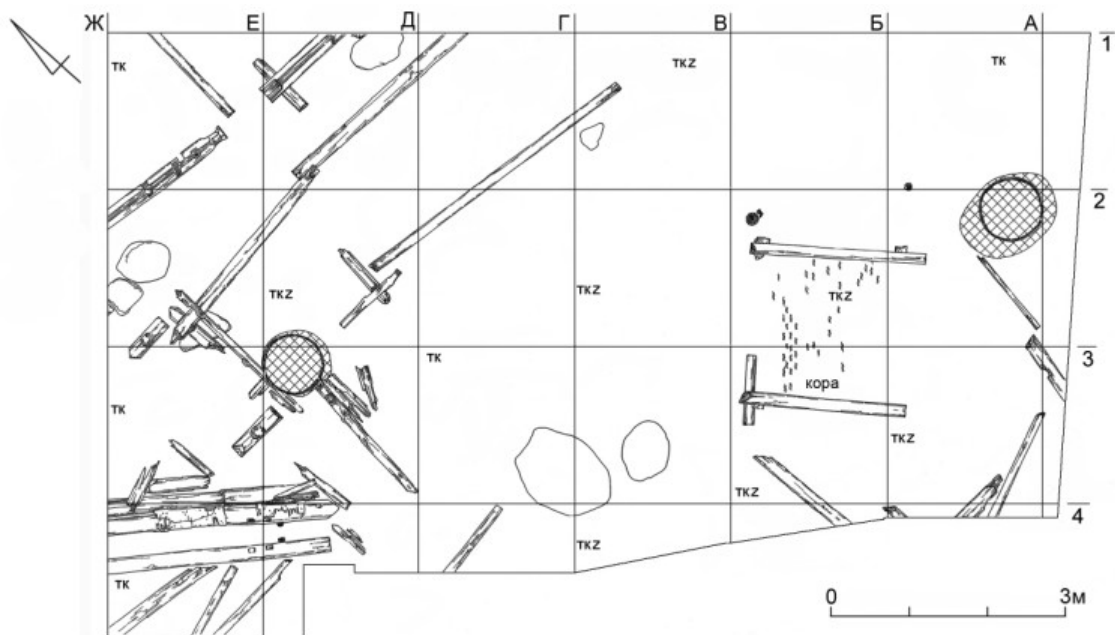

Рис. 9. Горизонт 4 раскопа 2001 г. План

деревянные конструкции (рис. 10). Только в северо-западном углу у поверхности скалы расчищено сооружение из двух параллельных бревен, установленных в направлении северо-запад — юго-восток и закрепленных в земле кольями. Два его верхних бревна, по которым получена дата Su-3602, открыли в предыдущем горизонте. Сам культурный слой этого горизонта стратиграфически и по находкам относится к XV в.

В процессе раскопок собрана значительная коллекция находок. К монетным находкам относятся артиг Андреаса Пепера (Тарту, 1468–1473 гг.) из нижнего горизонта, три монеты времени правления Юхана III (две монеты номиналом в 2 эре 1573 г. и 1/2 эре 1581 г.) из горизонта 3, пять монет Кристины (1/4 эре 1634, 1634–1640, 1637, 1638 и 1640 гг.) из верхней части горизонта 3 и горизонта 2 и две монеты Карла XI (1/6 эре 1666? и 1667 гг.) из верхней части горизонта 2, а также две российские монеты Анны Иоанновны (денга 1731 г.) и Елизаветы Петровны (денга 1744 г.) из верхнего горизонта раскопа 6/2001 г. Общая датировка всех исследованных средневековых горизонтов последней четвертью XV — второй половиной XVII в. подтверждается и находками керамики, к которой относится белоглиняная, вошедшая в употребление в конце XV — начале XVI в., немецкая каменная керамика XVI в., западноевропейские грапы XVI–XVII вв. и расписные тарелки XVII–XVIII вв.

Культурный слой в нижних горизонтах представлял собой отложения темно-коричневой земли мощностью 50–80 см, содержавшие в большом количестве древесную щепу, кости животных, навоз, обернутые берестой грузила от сетей и поплавки из сосновой коры, а также прибалтийские и шведские монеты последней четверти XV — XVI в. Керамика в основном привозная, европейская, изделия из металла, дерева, бересты, кожи и их фрагменты появляются в слое лишь на уровне 3 и 2 горизонтов, то есть на рубеже XVI и XVII вв. Во всех горизонтах с остатками деревянных построек присутствуют следы интенсивной строительной деятельности и вторичного использования бревен.

Таким образом, имеются все основания утверждать, что на момент штурма русскими войсками городской стены Выборга в месте расположения башни св. Андрея на участке раскопа 6/2011 г. уже существовала деревянная застройка. Но и в этом случае никаких следов военных действий в виде пожара или разрушения имеющихся построек не выявлено. Следы пожара в виде обгоревших досок пола фиксируются лишь в юго-восточной части горизонтов 1 и 2, но они относятся к более позднему времени (рис. 6, 7).

В раскопе 3/2000 г. (около 30 м²) зафиксирован участок городской стены, которая на этом участке делает небольшой поворот в сторону внутренней части города, что позволяет, продлив мысленно линию стены, с большей точностью локализовать место башни св. Андрея (рис. 11). К сожалению, этот участок оказался сильно потревожен позднейшей строительной деятельностью, уничтожившей все более ранние культурные напластования.

На основании полученных при раскопках данных трудно делать выводы о характере ранней застройки на исследованном участке. Можно полагать, что она не была плотной по причине неровности первоначальной скальной поверхности, затруднявшей строительную деятельность на раннем этапе освоения восточной части города. Как выяснилось в процессе раскопок 2000–2001 гг., застройка здесь началась после завершения строительства каменной городской стены в середине 1470-х гг. Так, к примеру, на месте раскопа 6/2001 г. перепады в уровне поверхности скалы на участке размерами 13 на 7 м достигают 0,5–1,1 м. Еще большие высотные перепады фиксируются с учетом всех раскопов 2000 и 2001 гг. Тут следует отметить, что речь идет о незначительной по площади территории. Раскоп 6/2001 г. был разбит между раскопами 4 и 5 предыдущего года в 1,5 м от первого к северу и 7,5 м от последнего к востоку. Иными словами, речь идет о поверхности скалы длиной более 20 м.

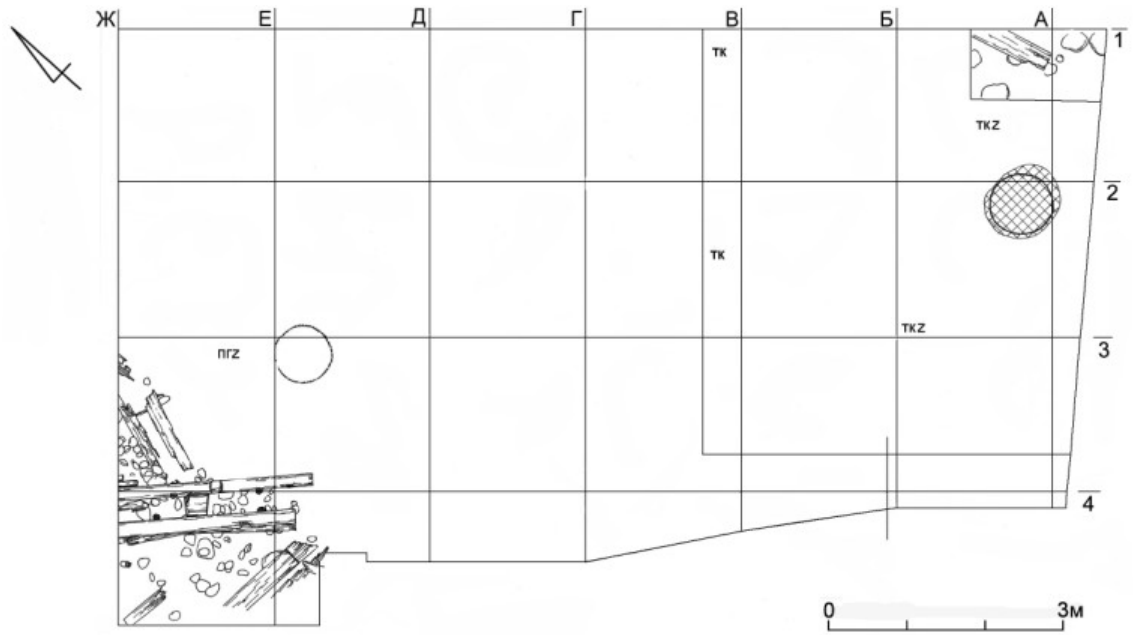

Рис. 10. Горизонт 5 раскопа 2001 г. План

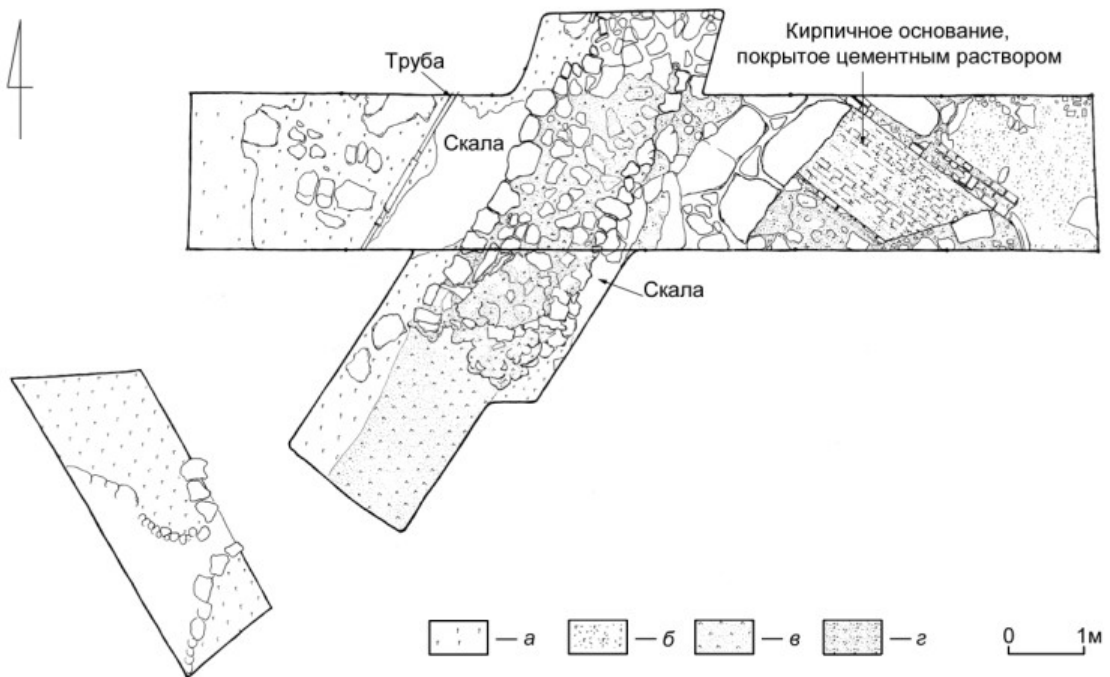

Рис. 11. Раскоп 3/2000 г. План. Условные обозначения: а — гумус; б — гумус со строительным мусором; в — известковый раствор; г — цементный раствор

В раскопе 4/2000 г. поверхность скалы фиксировалась на отметке 13,35 м по Балтийской системе координат, в раскопе 6/2001 г. — на отметке 12,04 м (северный угол), 13,12 м (южный угол), а в раскопе 5/2000 г. на отметке 15,00 м. Перепад высоты на этом небольшом участке составлял 1,65–3 м. Раскоп 6/2001 г. находился в своего рода скальной низине между двумя раскопами 2000 г.

Всё это указывает на то, что первоначальная (скальная) поверхность на этом участке была неровной. До того как эта территория стала местом плотного заселения, первые жители вынуждены были проводить масштабные работы по нивелировке поверхности. С помощью культурного слоя и бревен из более ранних разрушившихся или разобранных построек создавались подкладочные платформы.

Таким образом, ко времени штурма 1495 г. плотная сплошная застройка на участке еще не сложилась. На это указывает и то, что подкладочные бревна нижнего горизонта 4 раскопа 6/2001 г. имеют разного рода врубки, что указывает на их вторичное использование. По этой причине больших разрушений не могло произойти. С другой стороны, обстрел города из пушек мог быть направлен как на стену и башню, так и на центральную часть города, а внутренняя, расположенная непосредственно за стеной, территория оказалась вне зоны воздействия артиллерийского огня.

В любом случае, в археологическом материале горизонтов второй половины XV в. прилегающих к башне св. Андрея раскопов никаких следов осады и штурма Выборга 1495 г. не выявлено. В источниках отмечается, что артиллерийским огнем были разрушены две башни и повреждена третья, а в стене образовались проломы (Алексеев 2007: 341–343). Одна из башен была захвачена русскими, которые, спустившись со стены, проникли в город. Но шведам удалось поджечь башню и отбить штурм. Русские потеряли тысячу человек (Алексеев 2007: 342). По этому описанию штурма городской стены Выборга представляется необычным, что следов непрямого в таких случаях пожара и даже углей в культурном слое не зафиксировано. Это может указывать на то, что масштабы военных действий в шведских источниках сильно преувеличены, на что указывают и историки (Алексеев 2007: 343). По всей видимости, в башне св. Андреаса взорвались запасы пороха или был взорван пороховой заряд. Можно полагать, что русское войско, обладая значительным преимуществом в живой силе и артиллерии, рассчитывало штурмом овладеть городом после продолжительной осады, сосредоточив все силы на одном восточном участке городской стены. К сожалению, о ходе боевых действий у Выборга в наших источниках почти ничего не говорится (Алексеев 2007: 333, 341).

Как многочисленные вещевые находки и городская застройка, так и недавно отстроенная городская каменная стена высотой около двух метров и десятью башнями, умелые действия гарнизона говорят о достаточно развитой экономике и, в целом, готовности города к осаде. Одной из причин неудачи похода на Выборг исследователи считают неумение брать мощные каменные крепости и недостаточно отработанную тактику штурма (Алексеев 2007: 343).

В памяти потомков этот эпизод русско-шведской войны 1495–1497 гг. остался своего рода чудесным спасением города от неприятеля, что породило легенды, сохранившиеся до наших дней.

Литература

- Алексеев 2007 — Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: СПбГУ, 2007. 462 с.
- Бессуднова 2009 — Бессуднова М. Б. Великий Новгород в конце XV — начале XVI в. по ливонским источникам. Великий Новгород: Новгородский ГУ, 2009. 243 с.
- Казакова 1984 — Казакова Н. А. Еще раз о закрытии ганзейского двора в Новгороде в 1494 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 2/12. Л.: Наука, 1984. С. 177–187.
- Крепость Ивангород 1997 — Мильчик М. И. (сост., науч. ред.). Крепость Ивангород: Новые открытия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 273 с.
- Рыбина 2001 — Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород: Новгородский ГУ, 2001. 389 с.
- Сакса 2010 — Сакса А. И. Новые данные по городской стене Выборга 1470-х гг. // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных территорий. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается. Т. II. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 238–252.
- Сакса 2015 — Сакса А. И. Средневековый Выборг как восточное продолжение городской цивилизации побережья Балтики // Гайдуков П. Г. (отв. ред.). Города и веси Средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 256–271.
- Сакса 2017 — Сакса А. И. Средневековый Выборг. Восточная часть города по археологическим данным. По материалам раскопок 2000–2001 гг. // Анкундинов И. Ю., Гайдуков П. Г. (сост.). ННЗИА. Вып. 31. Материалы XXXI НК, посвящ. 85-летию археологического изучения Новгорода, Великий Новгород, 25–27 января 2017 г. Великий Новгород: НГОМЗ, 2017. С. 66–80.
- Тихомиров 1973 — Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII вв. М.: Наука, 1973. 422 с.
- Хорошкевич 1980 — Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М.: Наука, 1980. 293 с.
- Gardberg, Welin 1996 — Gardberg C. J., Welin P. O. Viipiri — kivistä rakennettu kaupunki. Helsinki: Otava, 1996. 143 s.
- Korpela 2004 — Korpela J. Viipurin linnaläänin synty // Viipurin läänin historia II. Jyväskylä: Gummerus, 2004. 363 s.
- Magnus 1973 — Olaus Magnus Gothus. Pohjoisten kansojen historia. Suomea koskevat kuvaukset. Helsinki: Otava, 1973. 126 s.
- Ruuth 1974 — Ruuth J. W. Viipurin kaupungin historia, II osa. Vuodet 1617–1710. Kirjoittanut J. W. Ruuth ja uudistanut Aimo Halila. Lappeenranta: Torkelin Säätiö, 1974. 505 s.
- Ruuth 1982 — Ruuth J. W. Viipurin kaupungin historia, I osa. Vuoteen 1617. Kirjoittanut J. W. Ruuth ja uudistaneet R. Rosén, E. Kuujo, G. Kerkkonen, A.-V. Koskivirta, V. Nissilä, V. A. Tjulenev. Lappeenranta: Torkelin Säätiö, 1982. 364 s.
- Saarnisto, Saksa 2004 — Saarnisto M., Saksa A. Radiohiiliajoituksia Viipurin arkeologisilta kaivauksilta Viipurin linnaläänin synty // Viipurin läänin historia II. Jyväskylä: Gummerus, 2004. S. 259–261.

Saksa 2016 — *Saksa A. I.* The early stages of the history of Vyborg: The results of Archaeological Research 1998–2012 // Uino P., Nordqist K. (eds.). *New Sites, new Methods: Proceedings of the Finnish-Russian Archaeological Symposium*. Helsinki, 19–21 November, 2014. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys Rekisteriöity yhdistys; Finska Fornminnesföreningen Registrerad förering; The Finish Antiquarian Society, 2016. P.246–261 (Iskos. 21).

Saksa, Saarnisto, Taavitsainen 2003 — *Saksa A., Saarnisto M., Taavitsainen J.-P.* 1200-luvun lopun raadiohiiliajoitus Viipurista // Suomen keskiajan arheologian seura (SKAS). 3/2003. Turku: Turun yliopisto, 2004. S. 15–20.